

Виды творческой и ментальной активности применительно к типам культур¹

И. А. БЕСКОВА

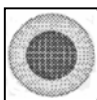
В статье исследуется возможность соотнесения разных типов ментальности и креативности с разными видами культур. На основании сопоставления средневекового китайского этноса и современного европейского суперэтноса рассмотрены особенности организации системы знания, пути и методы его получения, формы его репрезентации, которые специфичны для эволюционно молодых и эволюционно старых культур.

Ключевые слова: ментальность, творчество, культура, знание

Когда задумываешься над вопросом, могут ли быть обнаружены какие-либо корреляции видов ментальной и духовной деятельности человека и типов культур (хотя невозможно не понимать, что это чрезвычайно сложная и деликатная тема из-за огромного богатства и разнообразия любой культурно-исторической традиции, а также из-за чрезвычайной сложности и многогранности самих феноменов мышления и творчества), неизбежно возникает вопрос: по какому принципу проводить разграничение культур?

Г. Гачев, осуществлявший очень интересные соотнесительные исследова-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант №08-03-00098а «Проблема свободы в эпистемологических исследованиях творчества».

ния разных культур с целью очерчивания национальных образов мира, анализируя проблемы, связанные с выявлением наиболее общих параметров менталитета представителей различных этносов, формулирует свою позицию так: «Главная проблема: есть ли у каждой национальной целостности некая устойчивая физиономия, структура мира и мышления, относительно не зависящая от времени, – или все они на одно лицо, а разнятся лишь тем, что одни находятся на более ранней, а другие – на более поздней ступени исторического развития?»¹ Иными словами, должны ли мы вычленять некоторого, условно говоря, наиболее характерного представителя культуры со свойственными ему параметрами мышления, воображения, мировосприятия, или же имеет смысл вести речь лишь о тех особенностях, которые связаны с культурно-историческим развитием *народа* и могут быть подытожены в понятии эволюционной зрелости культуры в целом?

Как я понимаю, Г. Гачев склоняется к первому варианту ответа, полагая, что «индивидуум, выросший в определенной культуре, одарен ею талантом особого видения явлений бытия – даже в физике, не говоря уж об искусстве и поэзии. Национальная природа и дух питают интеллект и воображение своих детей, снабжают особыми архетипами, оригинальными интуициями, неповторимыми образами, странными ассоциациями. *Эвристическая* сила национальной ментальности: дар открывать и изобретать особым образом...»³.

Противоположная позиция реализована в исследованиях Л. Гумилева. Он, напротив, предпочитает делать акцент на эволюционном этапе исторического развития нации в целом и уже именно с ним, т.е., условно говоря, с эволюционной молодостью или зрелостью культуры, соотносить особенности менталитета этноса. Связывая всё это с пассионарностью⁴, он предлагает выделять следующие фазы развития:

- фаза *подъема* – фаза интенсивного роста пассионарного напряжения, следующего за пассионарным толчком, когда резко возрастают все виды активности, происходит демографический взрыв, формируются социальные институты;
- *акматическая* фаза, когда пассионарное напряжение достигает высших для данной системы значений, что сопровождается появлением новой доминанты у пассионариев: не победа этноса как целого, а максимальная реализация себя как личности;
- фаза *надлома*, выражающаяся в резком снижении пассионарного

² Г.Д. Гачев. Ментальности народов мира. М., 2008. С. 18.

³ Там же. С. 14.

⁴ Пассионарность в рамках концепции Гумилева определяется количеством энергии, циркулирующей в сообществе в каждый отдельный период его развития. При этом под энергией подразумевается биохимическая энергия живого вещества планеты – понятие, введенное академиком В.И. Вернадским.

напряжения, расколе этнического поля, острых конфликтах внутри системы, увеличении числа субпассионариев⁵;

- *инерционная* фаза характеризуется укреплением государственной власти, интенсивным накоплением материальных и культурных ценностей, активным преобразованием ландшафта, значительным объемом созидательной работы. По мнению Гумилева, инерционная фаза началась в Западной Европе в XVII веке и продолжается по сей день;

- фаза *обскурации*, когда пассионарное напряжение убывает до уровня ниже гомеостатического, в результате чего этническая система может стать легкой добычей более пассионарных соседей. Эта фаза предшествует гибели этноса или переходу его в состояние этнического гомеостаза⁶;

- фаза этнического *гомеостаза*, для которой характерно преобладание гармоничных людей (производящих ровно столько работы, сколько требуется для личного и видового самосохранения). Они достаточно трудолюбивы, чтобы обеспечить всем необходимым и себя, и своих потомков. Но они недостаточно пассионарны для того, чтобы пытаться что-то изменить в жизни. Да у них и не возникает такой потребности. Каждое следующее поколение ориентируется на стереотипы поведения предыдущего. Очень развито почитание традиций. Мировосприятие и миропонимание остаются практически неизменными от поколения к поколению.

В данной статье меня будут особенно интересовать характеристики этноса в инерционной фазе и в стадии этнического гомеостаза, поскольку я хочу сопоставить особенности двух типов *ставших, оформившихся* культур с устойчивыми приоритетами и системами ценностей. Такую возможность, думается, мы будем иметь, если выберем в качестве ориентиров средневековый китайский этнос и современный западноевропейский суперэтнос. Конечно, последний может быть проанализирован и как состоящий из отдельных народов (французов, германцев, англичан и др.), но к нему можно подойти и как к определенной исторически сложившейся целостности.

Полагаю, что современный западноевропейский суперэтнос по отношению к средневековому китайскому может рассматриваться как эволюционно более молодой, поскольку фазы обскурации и этнического гомеостаза в этногенетическом процессе следуют позже, чем

⁵ Людей, наделенных низким энергетическим потенциалом.

⁶ Вот что пишет Гумилев о фазе обскурации в средневековом Китае: «Маньчжуры, этнос тунгусской группы, начал завоевание Китая в 1644 г., закончил в 1683 г., чем прекратил самостоятельное существование китайского национального государства... После этого Китай находился в каталепсии 200 лет, что дало повод европейским наблюдателям расценить временную летаргию как неотъемлемое свойство китайской культуры. На самом же деле тут была не болезнь растущей культуры, а закономерное старение этноса, прожившего более тысячи лет (581–1683 гг.)». См.: Л.Н. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 444.

инерционная фаза. И еще одно замечание. Поскольку инерционная фаза западноевропейского суперэтнуса продолжается и по сей день, а все мы достаточно хорошо знакомы как с идеалами научности, нормами представления знания, так и с ценностными приоритетами этого суперэтнуса, в ходе анализа я не буду иллюстрировать отдельные положения данной традиции. Фактически (по крайней мере в значительной степени это верно) все мы сами к ней принадлежим. Поэтому больший акцент будет сделан на иллюстрировании тех положений, которые касаются культуры Китая.

МЕНТАЛЬНОСТЬ И ДУХОВНОСТЬ ЭВОЛЮЦИОННО МОЛОДЫХ И ЭВОЛЮЦИОННО СТАРЫХ КУЛЬТУР

Итак, перейдем к сопоставлению некоторых параметров ментальности и духовной жизни в целом, свойственных эволюционно более молодым и эволюционно более старым культурам. Прежде всего, обратим внимание на организацию системы знания, на способы и методы его получения и формы его репрезентации. Рассмотрим также ценностные установки и связанные с ними особенности системы представлений и верований, существующие в этих культурах.

Начну с эпистемологических аспектов. На мой взгляд, система знания и теория познания эволюционно молодой культуры в целом отличаются «историческим оптимизмом», убежденностью в том, что все можно познать – было бы время и желание. Направленность этой системы – вовне: активное воздействие на человека, на природу, на общество. Средством познания служит разум. Признается, что в результате последовательного проникновения вглубь природных явлений удастся получить все более тонкие срезы реальности, что приближает к воссозданию картины мира во всей ее полноте и многообразии. Анализ – доминирующий инструмент продвижения к истине. Конечно, позднее все должно быть собрано воедино. Но сначала следует выяснить, каковы простейшие элементы и как они соединяются в сложном. Отсюда доминирующая познавательная установка – «от простого к сложному».

Система знания эволюционно старой культуры ориентирована «вовнутрь»: на познание *внутренней* природы человеческого духа, *внутренних* побудительных мотивов динамики и мира человека, и мира природы. В качестве средства воздействия она не столько предполагает насильственное изменение, сколько осознанное, пусть и небыстрое, но фундаментальное внутреннее преобразование, базирующееся на принятии собственного свободного решения. Разум не рассматривается как средство, достаточное для постижения глубинной сущности явлений. Только интуитивное прозрение и непосредственное усмотрение приоткрывают завесу тайны, под которой скрыты реальные, а не мнимые взаимосвязи. Синтез – вот более или менее адекватный инструмент познания. Дробление целого на части и изу-

чение этих простейших составляющих не позволит обратным приемом воссоздать целое, т.к. оно не тождественно совокупности своих частей.

Эволюционно молодая система рационалистична. Во главе угла – принцип непротиворечивости представления информации. Такая ориентация базируется на вере в то, что мир устроен разумно и достаточно просто: если подходить к его изучению последовательно, анализируя все встречающиеся на этом пути фрагменты, удастся получить систему знания, непротиворечивую и достаточно полную, все более приближающуюся к адекватному его пониманию. И если в результате исследования выявится, что уровень рассмотрения, до которого добрались исследователи, не последний, то это никого не обескураживает, поскольку предполагается, что в ходе последующих усилий удастся получить средства, необходимые для анализа этого вновь открывшегося уровня сложности.

Что касается старых культур, то вера в возможность рационального объяснения всего на свете здесь существенно ограничена: признается наличие пластов реальности, постигаемых дискурсивным мышлением, но считается, что подлинная природа вещей не может быть вскрыта на этой основе. Только интуиция, созерцание, медитативное проникновение позволяют понять действительно глубокие вещи. При этом оценка противоречивого представления знания принципиально иная: противоречие – не только не недостаток в системе, но способ репрезентации, позволяющий преодолеть стереотипы восприятия человека, увидеть мир таким, каков он есть на самом деле. Отсюда – специальное изучение и размышление над текстами, значительная часть которых состоит из взаимоисключающих суждений.

О логической форме представления таких суждений можно спорить⁷: так, если Э. Конзе утверждает, что Ваджрачхедика-праджняпарамита-сутра учит, что каждая из ведущих буддийских концепций эквивалентна своей противоположности, несовместимой с исходной концепцией, то Л.Э. Мьяль полагает, что особая логика этой сутры основана на формуле «есть “А”, которое “не-А”, потому “А”». В то же время Е.А. Торчинов считает, что у этой формулы иной вид: « “А” не есть “А”. Это и называют “А”». Или же: «Об “А” говорят как о “не-А”, поэтому и называют “А”».

Но в любом случае несомненно, что противоречивое представление некоторых фрагментов знания не только не отвергается, расцениваемое как антинаучное, нарушающее действие законов логики и потому недопустимое, но напротив, выступает как единственно грамотное выражение тех пластов подлинной реальности, которые лежат глубже повседневного обыденного опыта человека. Противоречивое⁸

⁷ См.: Е.А. Торчинов. О психологических аспектах учения праджняпарамиты // Психологические аспекты буддизма. Новосибирск, 1991. С. 106–107.

⁸ А логики бы сказали «паранепротиворечивое», т.е. буквально: «лежащее за пределами противоречия», а формально: выходящее за рамки двусмысленной формальной логики.

выражение информации преследует глубокие познавательные-психологические цели: помочь человеку отказаться от стереотипов восприятия, уйти от объяснений, базирующихся на признании вещей такими, какими они видятся обыденному мышлению, дать возможность за внешним, поверхностным слоем разглядеть глубинную суть явлений, не сводимую к вербальным формам ее репрезентации и не выразимую этими средствами.

Обратимся теперь к анализу некоторых аспектов систем представлений и верований, культивируемых в рамках интересующих нас культур. Как всегда, когда дело касается этих вопросов, возможность расхождения в оценках еще более возрастает. Тем не менее, попытаюсь предложить обоснование того, что эволюционный возраст культуры виден и при исследовании этих компонентов менталитета этноса.

На мой взгляд, для эволюционно молодой культуры характерно отношение к собственному духовному прошлому как к системе поэтических преданий, которые чтут, но которыми не руководствуются в повседневной жизни. Можно ли то же самое сказать о китайской духовной традиции?

Бросается в глаза специфическое отношение к богам в этой культуре. Если говорить в целом, можно сделать вывод о том, что оно строилось по принципу «я-ты». И хотя божество признавалось наделенным сверхъестественной силой, позволяющей ему карать и миловать, тем не менее считалось, что если человек выполнил свои обязательства, но не был вознагражден или получил «отрицательное подкрепление», провинившееся божество может и должно быть наказано. Примеров тому великое множество².

Так, по китайским поверьям, дракон был повелителем водной стихии и отвечал за то, чтобы у людей было достаточно влаги. Для обеспечения его расположения люди устраивали пышные молебны. Длительная засуха рассматривалась как его нежелание честно и ответственно выполнять свою работу. В этом случае для его «вразумления» практиковались обряды бичевания дракона: по его фигурке наносились удары плетью или палкой; бумажного или матерчатого дракона разрывали на куски. Доставалось даже Царю драконов: «за плохую работу» его изображение выставляли под палящие лучи солнца, чтобы он на себе испытал губительное воздействие жары.

Как-то во время длительной засухи крестьяне усердно молились о ниспослании дождя. Но поскольку их мольбы оставались тщетными, они вытащили изображение дракона из храма и с проклятиями бросили его в грязную канаву. Но вот дождь пошел, – дракон «одумался» и решил исправить свою ошибку. Тогда крестьяне достали его из канавы, обмыли и водворили на прежнее место в храм.

В 1892 году на юге Китая в районе Фучжоу вспыхнула эпидемия чумы. Она унесла много жизней. Оставшиеся в живых роптали на бога-врачевателя за его бездействие. Кончилось тем, что его изобра-

² В.Я. Сидихменов. Китай: Страницы прошлого. М., 1987.

жение поместили в бумажную лодку и пустили по реке, а множество собравшихся на берегу людей из ружей открыли стрельбу по лодке. Так крестьяне выражали свое отношение к «нерадивому богу-врачевателю».

Известен и такой случай. В провинции Гуанчжоу случилась сильная засуха. Судья города долгое время тщетно молился о ниспослании дождя. Наконец, по его приказу из бамбука и бумаги соорудили фигуру демона засухи. Судья приказал полицейским арестовать изображение демона, надеть на него цепи, доставить в суд и поставить на колени. Когда все было исполнено, и демон предстал перед судьей, тот, громко крича, разбил демона и велел его обезглавить. Но чиновники стали «упрашивать» судью дать виновнику трехдневную отсрочку, а уж если и по истечении этого срока дождь так и не пойдет, привести приговор в исполнение. Судья согласился. Изображение демона вынесли из зала суда и водрузили на городскую стену. Говорят, что через три дня раздалось мощные раскаты грома, и хлынул ливень.

Подобные события поражали воображение русских и европейских путешественников. Казалось невозможным совместить представление о китайской культуре как высокой и утонченной с такого рода «детскими шалостями». Вот что по этому поводу писал Д.В. Путьта: «Изобилие богов и духов, обладающих, по мнению китайцев, теми же психологическими качествами и инстинктами, как и живущие люди, привело к обычаю третировать их с той степенью вольности, за которой, казалось бы, само понятие о божестве совершенно исключается, заменяясь представлением о материальной ответственной причине. Бога чествуют жертвоприношениями и курениями, если имеют в нем нужду или боятся его; им пренебрегают, когда надобность в нем миновала; к нему относятся пренебрежительно и даже жестоко наказывают, когда он не оправдал доверия или скомпрометировал себя»³.

Таким образом, можно сказать, что несмотря на то, что западноевропейский суперэтнос также сохранил древние представления о богах, духах, существах, обитающих в различных мирах и управляющих ими (хотя сохранил их несколько по-иному: в виде легенд, которыми восхищаются, но не руководствуются), отношение между сакральным и профанным миром в рамках интересующих нас традиций принципиально различно. В структуре европейского мировосприятия даже представить себе невозможно что-либо подобное тем формам наказания божеств (аресты, бичевания, бросание в грязь), которые для Китая вполне органичны. Конечно, в состоянии аффекта отчаявшийся европеец может совершить нечто экстраординарное по отношению к божественному миру, но это свое действие он и будет воспринимать как экстраординарное, а не как обычный элемент традиционных отношений в конфликтной ситуации между человеком и божеством. Поэтому важно даже не то, что в Китае богов в некоторых случаях наказывают, а в европейской традиции это не принято. Важ-

¹⁰ Цит. по: В.Я. Сидихменов. Указ. соч. С. 59.

но то, *как* это событие воспринимается самой культурой этноса: для Китая это естественная составляющая отношения богов и людей, для Европы – это что-то немислимое, невозможное, поражающее воображение. Это говорит о том, что менталитет данных этносов (по крайней мере, в упомянутом отношении) принципиально отличается.

В целом же можно сказать, что для эволюционно старой культуры характерно представление о тесном многостороннем взаимодействии человеческого, природного и божественного миров. Отношения в рамках этого взаимодействия строятся по принципу «я-ты». Причем природный мир воспринимается как имеющий самостоятельную очень высокую ценность. Задача человека в том, чтобы органично вписаться в него, – тогда хорошо будет всем.

Эволюционно молодая культура взаимодействует с миром по принципу «я-оно». Общий повышенный уровень энергетики ее представителей выражается в стремлении активно воздействовать на окружающее, преобразовывать его согласно пониманию собственных сиюминутных выгод и в соответствии с зачастую весьма недолговечными мировоззренческими установками: «Природа – не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Доминирующий метод взаимодействия с миром – насильственное преобразование, когда на первом плане видны «непосредственные выгоды», а долгосрочные перспективы преобразований или вообще не просчитываются, или рассматриваются как недостаточно значимые, чтобы поставить под сомнение исходную идею.

В рамках эволюционно старой культуры задача усматривается не в том, чтобы напрямую, «в лоб» влиять на окружающий мир с целью «прогнуть его под себя», а в том, чтобы попытаться понять, как в непрерывном взаимодействии человека и природы достичь гармоничного развития обоих миров, обеспечивающее их процветание. Таким образом, во главе угла оказывается не сиюминутное и преходящее, а вечное и нетленное. Средство постижения глубинных взаимосвязей разных уровней живого – углубленное созерцание и сосредоточенное размышление над единой природой сущего, стремление уловить то, что роднит человеческий, природный и сакральный миры (а не разъединяет или противопоставляет их).

ТВОРЧЕСКАЯ ПОТЕНЦИЯ НАРОДА КАК ЛИК КУЛЬТУРЫ. ВИДЫ ТВОРЕНИЯ

Итак, мы рассмотрели некоторые моменты, связанные с соотносительностью ментальных и духовных практик и установлений этноса с его эволюционным возрастом. Обратимся теперь к проблеме понимания взаимосвязи преобладающего варианта творческой активности и типа культуры. Для этого вновь вернемся к позиции Г. Гачева.

Как уже упоминалось, он, в отличие от Л. Гумилева, при исследовании национальных образов мира опирается на идею создания, если

так можно выразиться, некоего типичного портрета представителя той или иной культуры. В частности, он прямо заявляет: «Я портретирую нации – как личности»⁴. И еще: «Национальные организмы в ходе мировой истории формируются, отливаются в самосознающие личности: все не только «самосделанные», но и «другимисделанные»⁵.

В свете того, что передо мной стоит задача попытаться некоторым образом соотнести варианты реализации творческих потенций с типами культур, хочу еще раз обратить внимание на особенно импонирующую мне идею Г. Гачева: «**эвристическая** сила национальной ментальности: *дар открывать и изобретать особым образом* (курсив мой – И.Б.)»⁶. Иными словами, здесь недвусмысленно высказывается идея о том, что творческая способность, так же как и остальные аспекты ментальности и духовности этноса, может иметь, так сказать, «культурное лицо».

Какое же оно?

Сам Гачев говорит о двух типах творения: творение как порождение и творение как созидание, конструирование. Первое связано с естественными процессами, второе характеризуется как искусственное, преднамеренное «делание»: «Культуры и миропонимания различаются тем, как они понимают происхождение мира и всего в нем. Порождены они Природой или сотворены Трудом? Генезис или Творение? <...> Для мирозерцания Эллады типичен взгляд на все как на порождаемое: Теогония и Космогония. Для иудеев характерен креационизм: Творение мира Богом за 7 дней. Эти принципы я обозначаю терминами ГОНИЯ и УРГИЯ. Первое от греч. *gone* = рождаемое, того же корня, что и “ген”, и обозначает то, что порождено природой, возникает естественно. Второе – от греческого суффикса деятеля *ourgos*, означающего «труд», «работу», как в слове “демиург” (творец, труженик, ремесленник)... “Ургия” – это искусственное сотворение, созидание трудом, понимаемое как первоценность в сравнении с бессознательным рождением Природы»⁷.

Г. Гачев не развивает представление об этих типах творческой активности, поэтому мне представляется интересным предложить модель понимания творчества, исходя из которой становилось бы ясно, в чем именно их отличие.

В самом общем виде я бы выделила два типа творчества: «от недостатка» и «от избытка».

Применительно к первому актуальна идея творчества как реорганизации, видоизменения, когда человек, ощущая свою неполноту, незавершенность, негармоничность в какой-то сфере ищет то, что может помочь ему *восполнить недостающее*. Такой поиск сопряжен с муками (в обиходе называемыми «творческими»), которые принято

¹¹ Г. Д. Гачев. Ментальности народов мира. М., 2008. С. 33.

¹² Там же. С. 31.

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ Там же. С. 21.

считать, своего рода, визитной карточкой любого процесса рождения прежде не существовавшего. И расхожее мнение о природе творчества именно таково: без мук не рождается новое. В значительной степени оно верно. Ошибку совершают, когда к этому виду внутренних процессов и переживаний сводят все формы творческой активности.

Вместе с тем понятно, почему такое сведение происходит: в практике человека подобная форма творческого поиска встречается гораздо чаще, чем творение от полноты. Идеальным прообразом последнего я бы назвала процесс, приписываемый высшей творящей силе, универсальному творческому началу, которое в разных традициях именуют по-разному: в религиозных Богом-Творцом, в духовных – высшим духовным началом, в оккультно-эзотерических Высшим Разумом и др. На самом деле все эти традиции стремятся охарактеризовать один и тот же феномен созидания нового, никогда ранее не бывшего, причем в том его аспекте, который связан как раз не с собственной неполнотой, потребностью в восполнении чего-то недостающего, а с порождением, как результатом излияния в мир собственной *избыточности*. Это очень важный момент, на который обычно не обращают должного внимания, вследствие чего огрубляется и опрощается подлинная сложность и многогранность феномена творчества в целом.

Попробуем посмотреть на творческий акт именно в этом аспекте: рождение нового – как результат излияния собственной *избыточности* в мир.

Прежде всего, этот процесс не сопряжен с муками *поиска*. Переживание восторга, экстаза возникает не вследствие того, что наконец оказалось найдено недостающее, что помогло переструктурировать ранее имевшееся, ощущавшееся как собственная неполнота, незавершенность, а в результате того, что снимается напряженность ощущения *собственной избыточности*. При этом создается (созидается) форма, в которую последняя и отливается, и что особенно интересно, *избыточность как бы сама под себя строит соответствующую ей форму*. Поэтому, на мой взгляд, без преувеличения можно сказать, что избыточность представляет собой важное свойство/качество системы, которое играет принципиальную роль в процессе формирования и рождения подлинно нового.

Чтобы проиллюстрировать эту мысль, сошлюсь на процессы, связанные с зарождением новой жизни (неслучайно для характеристики этого вида творчества Гачев использует термин «рожание» или «гония»). В момент зачатия организм женщины обретает, своего рода, генетическую избыточность: женская половая клетка, нормальная для его обычного функционирования, оказывается дополнена мужской половой клеткой, и именно эта дополненность становится основой формирования нового, ранее не существовавшего качества – новой жизни. Теперь это не прежний организм женщины, а некий симбиоз «мать+дитя», т.е. *никогда ранее не существовавшее* целое. И далее уже сама эта избыточность начинает создавать под себя, творить соответствующую ей форму: организм, телесность ребенка. До поры до

времени эта телесность строится и развивается в рамках избыточного для матери состояния «мать+дитя». Но в тот момент, когда формирование избыточностью как характеристическим качеством ситуации, новой подходящей для нее формы завершено, она (имеющаяся избыточность) получает возможность вылиться в адекватную ей и *сконструированную ею же*, форму. Иначе говоря, избыточность сама создает под себя форму, в которую затем и отливается.

Посмотрим на этот процесс с точки зрения его наиболее общих характеристик. Прежде всего, можно сказать, что избыточность структуры самым точным образом выражается в параметрах той формы, в которую она затем изливается, поскольку это *она же и есть*, но только в другом своем качестве: не как состояние, а как его срез, слепок, воплощение. Если в целях пояснения прибегнуть к метафоре «волна – частица», то можно сказать, что состояние избыточности системы передается режимом «волна», а та форма, которую она создает под себя и затем в нее отливается, – это *она же*, избыточность, но в режиме «частица», поэтому никакого дуализма при таком понимании не возникает. Таким образом, состояние системы, лежащее в основе порождения подлинно нового, и та форма, в которой новое оказывается явлено миру, – это одно и то же, а не два разных объекта, просто в разных своих обликах.

Период, когда *возникающая избыточность строит под себя, создает форму*, в которую затем сможет излиться, имеет ряд интересных особенностей. В том, что и как затем окажется представлено в новой только еще формирующейся целостности, огромную роль играют такие факторы, как качества воспринимающей среды и характеристики добавляющегося извне начала.

Как видим, это те самые аспекты пассивного и активного, мужского и женского, проникающего и оформляющего начал, о которых все духовные традиции говорят как о главных силах, главных импульсах творения. Если мы попытаемся охарактеризовать их с методологической точки зрения, то обнаружим, что перед нами процессы, один из которых можно в самом широком смысле назвать процессом продуцирования/изливания/излучения (информации, сигнала, вещества, энергии – чего угодно), а второй – процессом восприятия продуцированного. В каком отношении они находятся между собой?

Для того чтобы понятнее стала формулируемая затем идея, сошлюсь на достаточно хорошо изученные в когнитивных дисциплинах процессы восприятия информации и ее продуцирования. Анализ базовых механизмов формирования процессов научения свидетельствует о том, что восприятие и излучение (продуцирование) в своей основе – это один и тот же процесс.

Специалист в области детской антропологии, талантливый исследователь и практик, многие годы проработавший с так называемыми «звездными детьми» (часто их еще называют «дети индиго»), Г. Кюлевинд показывает, что усвоение поступающей информации осуществляется в ходе ее внутреннего воспроизведения средствами собственной телесности человека непосредственно в момент поступления сиг-

нала. Для наглядности, он приводит механизм воспроизведения на слух незнакомой ранее мелодии: «При восприятии на слух слышимое оставляет свой след, отпечатывается на слуховых органах или на голосовых связках, там происходит, как у ребенка, впечатывание в телесность при одном только настрое внимания... Хороший логопед исправляет неправильно звучащий звук не в горле, а в слухе. Если звук будет услышан правильно, он будет правильно воспроизведен»⁸.

Соответственно, можно сделать вывод, что для того, чтобы нечто было *адекватно воспринято*, надо чтобы человек средствами собственной телесности внутри себя *воспроизвел услышанное*.

Иными словами, в основе правильного воспроизведения лежит правильное восприятие, а для того, чтобы правильное восприятие состоялось, необходимо, чтобы в момент поступления сигнала имело место его адекватное воспроизведение ресурсами собственной телесности. Таким образом, получается, что процессы, известные современной науке как два различных и даже противоположно направленных, – восприятие и воспроизведение (продуцирование, излучение) – по сути своей представляют собой единое целое, и видятся нам как два различных и даже противоположно ориентированных (внутрь-вовне), не потому что таковы они по своей природе, а потому что таковы параметры ментальности современного человека технократической культуры, реконструирующего данный процесс⁹.

Если в этом свете посмотреть на процесс возникновения подлинного нового, кристаллизуемый в обстоятельствах зарождения новой жизни, станет понятно: то, что *мы воспринимаем* как излучение/излияние, и то, что *мы воспринимаем* как принятие в себя/поглощение, – это не два противоположно ориентированных процесса, а *одно и то же* целостное событие. Но тогда встреча *данной* яйцеклетки с *данным* сперматозоидом (если далее развивать метафору «рождения») только на поверхностном уровне предстает как случайный процесс, на глубинном же уровне получается, что это единый целостный акт излучения-восприятия, в ходе которого только и способно зародиться подлинно новое, ранее никогда не бывшее. И наверное, именно в этой неосознанно ощущаемой человеком неслучайности зарождения подлинно нового, следует искать корни представлений народной психологии о «двух половинках», которые непременно должны найти друг друга для того, чтобы все сложилось. И что характерно, когда речь идет о двух половинках, подразумевает-

¹⁵ Г. Кюлевинд. Звездные дети. М., 2005. С. 30–34.

¹⁶ Имеется в виду его диссоциированность, выражающаяся в том, что средства восприятия и репрезентации окружающего, разработанные и используемые им, несут на себе отпечаток его собственной двойственности, дуальности. Как я полагаю, это связано с тем, что на определенном этапе эволюционной истории, представленном в Библии мифом о грехопадении, человек утратил качество целостности, глубины, недвойственности. – Подробнее об этом см. И.А. Бескова. Эволюция и сознание: новый взгляд. М., 2002.

ся, что когда-то раньше, на каком-то высшем уровне они *уже* составляли целое, просто потом в результате разных обстоятельств имевшееся единство распалось на взаимоисключающие мужскую и женскую компоненты. И считается, что только в том случае, если такие половинки вновь обретут друг друга, родится новое единство.

Иными словами, в подобного рода представлениях «народной психологии» живет стихийно сформировавшееся убеждение, что эпизоду рождения подлинно нового предшествует стадия, на которой сливаются в одно те составляющие, которые когда-то – до драматических коллизий в истории судьбы человечества – уже были соединены и составляли единое целое.

Нельзя не заметить, что при подобном понимании ни о какой случайности слияния имеющихся двух в одно новое целое и речи быть не может: сливается то, что прежде *уже было* единым, причем составляло подлинное единство: *целостность*. И если мы посмотрим на процесс рождения нового под таким углом зрения, то действительно получается, что процесс излияния/излучения и процесс восприятия/поглощения – это не два независимых, случайно, по факту объединенных события, а одно глубинное явление, лишь на поверхностном уровне предстающее (для нас, как диссоциированных наблюдателей) в виде двух разных, и даже противоположно направленных.

Итак, если мы *на поверхностном уровне* смотрим на событие зарождения нового как на результат создания избыточностью (характеристическим свойством одной из разновидностей творческого процесса) адекватной ей формы, то видим такую последовательность и качество событий: *случайная* встреча двух компонентов энергий, которые *затем* сольются, приводя к рождению подлинно нового, никогда ранее не бывшего.

Если же мы посмотрим на этот процесс *глубинно*, то увидим событие встречи «двух половинок» как абсолютно *не случайное, следующее за* имевшимся прежде единством в составе существовавшей целостности. И тогда сам факт слияния предстает не как два объединившихся процесса: излучения/излияния и восприятия/поглощения, а как единый общий процесс, где излучение-излияние *и есть* восприятие-принятие.

Иными словами, ситуация не такова, что один изливает/излучает, а другой принимает/поглощает. Напротив, принятие в себя *и есть* излучение, а излучение *и есть* восприятие. Потому что, как было отмечено, чтобы нечто было воспринято, оно на внутреннем уровне должно быть продуцировано средствами собственной телесности. (Чтобы воспринимаемое, в частности, речь, была понята и распознана, она должна быть воспроизведена внутри себя ресурсами собственного голосового аппарата, пусть и без проговаривания вслух.)

То же самое относится и к пониманию: для акта понимания необходимо, во-первых, чтобы то, что станет объектом понимания, было продуцировано, т.е. произведено на свет ресурсами собственной телесности, а точнее системы «ум-тело», и во-вторых, чтобы восприни-

мающая сторона ресурсами собственной телесности воспроизвела, смоделировала то, что будет поступать в виде импульсов в процессе восприятия. И если воспринять на глубинном уровне и есть «воспроизвести» воспринимаемое ресурсами собственной телесности, то это действительно единый процесс. Если же принять во внимание, что обе стороны отношения, соединяющиеся в акте понимания, – не две различных независимых силы (производящая и воспринимающая), а единое целое, то становится понятно, что акт излияния-восприятия излитого-излученного – это целостный процесс, протекающий в единой целостной структуре.

Итак, если взглянуть на процесс зарождения нового целого с этой точки зрения (т.е. на глубинном уровне), то мы увидим, что оно происходит в едином акте, который, будучи увиден с поверхностного уровня, предстает как двойственный процесс излучения/принятия в себя. На самом же деле существует единый процесс восприятия/продуцирования, осуществляющийся в рамках наличной целостности, когда еще отсутствует разбиение на два: на производящее и воспринимающее, мужское и женское. И механизм здесь будет таким: *чтобы продуцирование состоялось, продуцирующей силе необходимо воспринять внутри себя готовность воспринимающей системы к восприятию; а чтобы восприятие состоялось, необходимо, чтобы поступающие импульсы продуцирующей системы воспроизводились ресурсами собственной телесности воспринимающей стороны.*

В ходе этого сложного, действительно *взаимопроницающего* процесса и происходит зарождение подлинно нового, никогда не бывшего, а не просто «переформатирование»/переструктурирование ранее уже наличествовавшего. Последнее – тоже создание нового, тоже творческий акт, но *другой природы*: его источник – не в избытке, а в недостатке, нехватке чего-либо, что устраняется в результате соответствующего процесса реорганизации имеющегося. И тогда можно сказать, что творчество в форме структурно-преобразующей деятельности не создает подлинно нового, никогда ранее не бывшего, а связано с видоизменением имеющегося. Да, в нем конструируется (творится, вырабатывается – аспект «ургии») новое, как ранее не существовавший вариант сборки наличествовавшего. Но в нем не рождается новое, как состоящее из никогда ранее не бывшего (аспект «рождения», «гонии»).

Таким образом, рождение подлинно нового, никогда ранее не бывшего (*даже в плане своих компонентов*), случается только «от избытка», а не «от недостатка». В этом акте излияния избыточности, создания избыточностью под себя новой формы, *происходит алхимическое превращение*, когда изменение затрагивает не только *порядок сборки*, но *саму природу, глубинную структуру элементов*. И в этом мне видится подлинная природа творческого акта как «рождения».

Что касается возможности отнесения выделенных типов творчества к разным видам культур, я бы не рискнула связать их только с культурами определенного «возраста» (если основываться на модели Л. Гумилева) или только определенного «ментального профиля»

(если брать за основу подход Г. Гачева¹⁰). Скорее, как мне кажется, можно сказать, что в разного типа культурах на разных этапах исторического развития будут преобладать те или иные виды творческой активности.

Вместе с тем, думается, определенные предположения на этот счет все-таки можно сформулировать. В частности, полагаю, что дело обстоит следующим образом: то, какой тип творчества будет доминировать в культуре, предопределяется тем, как ее представителям видится путь, которым порождена и собственно человеческая цивилизация, и сам мир. Если данный этнос склонен рассматривать логику порождения человека и мира как следствие труда, преобразующей деятельности (аспект «ургий»), то и в их творчестве будет преобладать этот же аспект. В том же случае, если данный народ склонен видеть логику порождения человека и мира в естественных процессах рождения нового, то и доминирующим для данной культуры типом творчества (так сказать, «творческим ликом» данной культуры) станет создание нового как «рождение», как естественный процесс излияния в мир собственной избыточности, когда происходит не просто переструктурирование имеющегося, но его *внутреннее превращение* в сложном алхимическом процессе возникновения прежде никогда не бывшего, не существовавшего даже в виде своих элементов.

¹⁰ Хотя сам он относит к «ургийным» культуры, где преобладает культ труда, работы (это, прежде всего, Германия, Англия, США, Израиль), а к «гонийным» – Грецию и Россию. Вообще по логике анализа можно предположить, что евразийские культуры в его понимании более «гонийны», чем «ургийны».

Отформатировано:
Отступ: Первая строка: 15,9
пт, Междустр.интервал:
одинарный